

Л. В. Крошкина

Проблемы стиля современной церковной проповеди

Статья посвящена проблемам стиля современной проповеди, обращенной к верным, и является попыткой ответить на актуальные вопросы: каким должен быть язык современной церковной проповеди (должен ли он ориентироваться на возвышенный стиль, используя церковнославянские лексику и обороты или, напротив, обращаться к современной речи, с употреблением неологизмов, заимствованных слов и т. п., чтобы быть вполне понятным каждому современному человеку); каким должен быть язык христианского благовестия в эпоху постмодерна и учительного кризиса церкви, где искать образцы современному проповеднику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковная проповедь, стиль, язык, гомилетика, проповедник.

Церковь всегда должна говорить только своим языком,
только на своем, свойственном ей языке — языке сердца
и любви...

Свящ. Георгий Кочетков

С начала XX в. в русской церковной литературе стали появляться высказывания о кризисе церковной проповеди. Великий историк Русской церкви Евгений Евстигнеевич Голубинский видел его в отсутствии церковной проповеди в храмах (проповедь «смолкла», — говорил он), а причину кризиса — в «нерадении и невежестве настоятелей» [Голубинский, 41]. Г. П. Федотова в 20-е гг. также беспокоил кризис проповеди, сущность которого, по его мнению, заключается в расколе между церковью и культурой, в проблеме стиля и языка христианства. Свящ. Сергей Желудков в «Литургических заметках» размышлял об «общем “учительном” кризисе христианства», о том, что оно не нашло еще «современного словесного выражения» [Желудков, 28]. Известный богослов и литургист протопр. Александр Шмеман отмечал: «В современной церковной жизни наблюдается

несомненный упадок или даже кризис проповеди. И сущность его... в забвении того, что есть проповедь в собрании Церкви» [Шмеман. *Евхаристия*, 89]. Косвенным свидетельством кризиса проповеди можно считать определение Священного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. «О церковном проповедничестве», целью которого было возрождение смолкнувшей проповеди в русских храмах, создание условий для появления новых проповедников.

Итак, в чем же причины несомненного кризиса церковной проповеди? Каковы пути выхода из него? Какую роль здесь играет язык и стиль? В чем проблемы собственно стиля церковной проповеди? Как их разрешить?

1. Начнем с определения Поместного Собора 1917–1918 гг. Вот какие постановления вынес Собор о церковном проповедничестве.

1) Проповедь должна звучать как можно чаще и не только на богослужении.

2) К проповеди помимо священства надо привлекать не только дьяконов и псаломщиков, но и благочестивых мирян при благословении епископа и разрешении местного священника.

3) Проповедь «для достижения общепонятности» должна звучать на местных языках и наречиях.

4) Для оживления проповеди Собор рекомендует образовывать Благовестнические братства из клириков и мирян под началом епископа, а также в монастырях.

5) Особое внимание Собор уделяет подготовке будущих проповедников: издание новых учебников, сборников проповедей, создание курсов и т. д. Существенно, что в первую очередь Собор видит значимым для подготовки проповедников построение «науки о проповедничестве на библейских и святоотеческих основах» и придание проповеди «жизненно-практического характера, чтобы она могла стать учением о живом слове» [*Священный Собор, 10–22*].

Разрешение проповедовать на местных языках и наречиях в каком-то смысле снимает проблему стиля, так как местные языки и тем более наречия (т. е. диалекты) могут не иметь языковых разновидностей и в том числе функциональных стилей как таковых. На первое место в определении Собора выступает требование «общепонятности». Наряду с этим Собор выдвигает еще

требование строить проповедь на «библейских и святоотеческих основах», что указывает, безусловно, на содержательную и стилистическую направленность. Но что это конкретно означает для языка проповеди?

2. Архиепископ Аверкий (Таушев) в своем «Руководстве по гомилетике», прочитанном в Белграде в 1941 г. и переизданном несколько лет назад, повторяющим основные положения профессора В. Ф. Певницкого, выдвигает, казалось бы, соответствующие постановления Собора требования к языку проповеди. «С одной стороны, — утверждает архиеп. Аверкий, — церковно-библейский дух, с другой — популярность» [*Аверкий*, 75] (ср. с постановлением Собора: с одной стороны, «библейские и святоотеческие основы», с другой — «жизненно-практический характер»).

Под «церковно-библейским духом» он понимает то, что сам язык проповеди должен обладать «своими специфическими особенностями, характерными именно для церковной проповеди» [*Аверкий*, 83]. Язык проповеди, по мнению архиеп. Аверкия, должен быть особенным, а стиль — возвышенным. «Библеизм» проповеди означает приближение своего языка, образа выражения к «священному языку Библии». Архиеп. Аверкий отмечает возвышенный стиль евангельских речей Господа, особенное благородство и возвышенность стиля апостолов. С этим невозможно согласиться. Знатоки и переводчики Библии говорят об обратном: язык Библии и Нового Завета, в частности, не отличается стилистической равномерностью и однородностью. «В Евангелиях... о возвышенном и торжественном языке говорить, пожалуй, не стоит», — отмечает один из лучших современных переводчиков библейских текстов С. С. Аверинцев [*Аверинцев*, 37]. Другой переводчик, А. С. Десницкий, также свидетельствует о «разнообразии авторских голосов и стилей» в текстах Нового Завета, богатство которого «простирается от образцов просторечья в Евангелии от Марка до вполне правильных риторических конструкций Луки» [*Десницкий*, 69].

Что же конкретно в языковом отношении подразумевает автор «Руководства по гомилетике» под возвышенным стилем проповеди? Это употребление все тех же славянизмов: «Едва ли кто-нибудь решится возражать, — излагает свое мнение автор руководства, — что в проповеди гораздо приличнее сказать “чело” — нежели “лоб”, “очи” — нежели “глаза”, “ланыты” — нежели “щеки”, “уста” — нежели “рот” и т. д.» [*Аверкий*, 85].

Что же тогда означает второе правило проповедничества — «популярность»? Главный принцип его — общедоступность, ориентация на большинство.

«Ошибка бывает в том, — пишет архиеп. Аверкий, — что проповедники, составляя свои проповеди, часто стремятся удовлетворить вкус образованного меньшинства слушателей, а забывают о малообразованном или совсем необразованном большинстве. Между тем необходимо приучить себя говорить именно для большинства, а отнюдь не для избранных» [Аверкий, 86–87].

Отсюда рекомендация — не поднимать утонченные богословские вопросы, «давать пищу не для ума, а для сердца», полностью «изгнать иностранные слова», научную и отвлеченную лексику и даже ограничить употребление не вполне ясных для простого человека библейских выражений [Аверкий, 89]. И, наконец, требуется простота речи, которая понимается как использование общеупотребительной лексики, но простота эта одновременно должна быть «чистой и благородной», в которой не должно быть ничего «низменного и вульгарного». При этом простой язык проповедника должен отличаться от языка простолюдинов, говорящих на базаре. Итак, язык проповеди должен быть одновременно языком общедоступным, языком большинства и при этом «возвышенным». Как возможно совместить эти противоречивые требования сам автор «Руководства» не поясняет:

Никакие правила тут не помогут. Нужно войти в дух этого языка, усвоить его себе, чтобы он сам вошел, так сказать, в плоть и кровь проповедника [Аверкий, 91–92].

3. Первый рассмотренный нами подход к стилю проповеди требует от проповедника возвышенного стиля. Но именно такой подход Г.П. Федотов считал тупиковым, приведшим проповедь к кризису.

[Православное христианство] не может иметь своего окончательного стиля, но облекается в культурный стиль эпохи, в свою очередь определяемой им. Это относится одинаково к церковному искусству, православному быту и проповеди.

<...>

Культурный стиль эпохи — это ее язык. И мы призваны действовать в среде новых язычников, в среде новых культурных дикарей. Первое, что мы должны усвоить себе, это их язык. Язык их научных понятий, их

художественных символов, общественных и правовых ценностей. <...> Нужно бояться церковно-славянских слов, аскетических и догматических терминов в потоке современной литературной речи. Точнее, нужно подлинное искусство, чтобы найти место славянскому слову в русской речи. <...> Чистое крепкое вино литургического слова в воде повседневной речи обращается в елей, «елейность», которая у иных способна вызвать тошноту [Федотов, 7].

Само стремление к «возвышенному» стилю проповеди выражает ностальгию по классической теории трех штилей, не отвечающей ни нормам, ни практике современного русского языка. Знаменательно, что ее безуспешно пытался вводить М. В. Ломоносов именно в тот период истории нашей страны, с которого мы отсчитываем расхождение светского и духовного, раскол между церковью и культурой. Классическая система трех штилей, преобразованная Пушкиным, положившим начало созданию современного русского литературного языка, оказалась живучей и функционирует в церковной сфере по сей день. А ведь именно пушкинский принцип соразмерности и целесообразности как нельзя лучше подошел бы и для проповеднического стиля. Заключается он в умении найти такую словесную форму, которая точно соответствовала бы выражаемой мысли, замыслу. Это дает возможность соединять стилистически разнородные элементы языка, прежде оцениваемые как несочетаемые и традиционно относящиеся к разным стилям: русизмы, славянизмы, европеизмы, книжная и разговорная лексика, высокая и низкая.

Еще современники Пушкина заметили, что в его произведениях простонародное слово теряет свою грубость, сохраняя экспрессивность, оно как бы олитературивается. Одной из важнейших заслуг Пушкина считается то, что он сумел естественно соединить культуру книжного слова с живой разговорной речью. Не это ли требуется и от церковного проповедника, когда речь идет о соединении «библейско-святоотеческих основ» и «жизненно-практического характера»? Не более ли церковно было бы оцерковить те или иные разговорные формы языка (те же «глаза», «рот», «лоб»), чем держаться «чистоты» и «высоты» стиля, тщетно пытаясь их соединить с «популярностью»? «Ничто подлинное в жизни и мире, — пишет свящ. Георгий Кочетков, — в человеке и обществе не чуждо языку Церкви и вместимо в нем» [Кочетков, 23]. Да и сам эстетический подход к проповеди, выражением которого является теория трех стилей,

по сути, не христианский, а языческий. «Святость не возвышенна», — говорил Жорж Бернанос [Аверинцев, 38]. «Налагать на язык Церкви нормы возвышенного в классицистическом понимании не совсем разумно, — писал С. С. Аверинцев, исходя из того же пушкинского принципа целесообразности. — Совсем другой вопрос, что есть такие предметы, которые не могут быть с должной информативной отчетливостью выражены иначе как на языке особенном, традиционном не ради эстетической возвышенности, вообще не ради эстетики, а только по причине смысла» [Аверинцев, 38].

4. Невозможно согласиться и с указанным выше правилом «популярности», точнее с тем, как она толкуется. Ориентация на среднего слушателя, среднестатистического прихожанина и безапелляционный запрет внимания к образованному меньшинству — не просто повсеместная проблема для большинства приходо-в, но и причина ухода думающих и образованных христиан из церкви вообще. Часто здесь приводят в пример проповедь Самого Господа. Иногда даже можно услышать, что Его речи были понятны каждому ребенку. Но вспомним и другие слова, когда самые близкие Христу, т. е. Его ученики, говорят: «Какие странные слова! Кто может это слушать?»^{*1}. Или в другом переводе: «Трудно это слово!».

*1 Ин 6:60

К народу, т. е. к еще внешним, не к общине, Христос обращался в притчах, и здесь целиком можно согласиться с правилом популярности проповеди, с необходимостью использовать языковой материал, доступный народу: притчи, образы, короткие периоды и т. д. Ученикам же «дано познать тайны Царства Небесного»^{*1}, поэтому Христос и говорит с ними другим языком. Вспомним, как говорит Христос в Евангелии от Иоанна на Тайной Вечере. Ученики плохо понимают этот язык. «Господи, покажи нам Отца, и этого нам довольно»^{*1}, — просит Филипп, как бы говоря — «Хватит говорить загадками!».

*1 Мф 13:11

*1 Ин. 14:8

5. Здесь мы подошли к еще одной актуальной проблеме нашей церкви — смешению миссионерской и гомилетической проповеди. И она не может быть устранена простым решением: обязательной катехизацией. Так или иначе, даже если мы все вдруг централизованно перейдем на обязательную катехизацию, все равно в храме будут люди, нуждающиеся в миссионерской проповеди. Остается проблема языка и стиля.

6. Невозможно не сказать о совершенно естественной проблеме — языка, на котором читается слово Божье в храме, не говоря уже о языке богослужения в целом (славянский язык, хотя ли того или нет его сторонники, неизбежно рождает разнотилье в церкви, так как все проповедники — носители русского языка, как бы ни пытались они стилистически «возвысить» его славянизмами). Чтение Писания на любом малодоступном языке ведет к тому, что проповедь становится пересказом, словом «о благовестии», а не самим благовестием.

Особенно порицал эту практику о. Сергей Желудков:

Вместо того чтобы торжественно огласить священный текст в синодальном переводе, мы (из «опасения походить на сектантов» и просто по лени) имеем нахальство «излагать» Евангелие своими словами [Желудков, 29].

Эта практика, считал о. Сергей, ведет к «нарочитой елейности», «безнадежной неискренности тона», «унизительному отношению к слушателям и неумеренной склонности к лжеименным преданиям» [Желудков, 29].

7. К проблеме стиля как такового. Если всерьез относиться к мнению древнейшего источника Церкви «Послание к Диогнету» о том, что «христиане не различаются от прочих людей ни странною, ни языком, ни житейскими обычаями»^{*1}, т. е. они не имеют своего, свойственного им как христианам стиля, а принимают, по словам Г.П. Федотова, «культурный стиль эпохи», то возникает вопрос — каков культурный стиль современной нам эпохи — эпохи постмодернизма? Стиль постмодернизма — это отсутствие всякого стиля, т. е. чего бы то ни было целостного, или еще хуже — смешение всевозможных стилей, эклектика. Важнейшие постулаты культуры постмодернизма: отчуждение языка, объективация источников, отказ от истины (истина — это просто слово, которое означает то, что означает в словаре [Руднев, 222]), смерть автора, смерть текста, отсутствие всякой ценности, иерархичности и вообще всяких связей. Можно сказать, что культура постмодернизма — естественный итог разрыва между светским и духовным, между церковью и культурой.

Еще до Второй мировой войны о. Сергей Булгаков, м. Мария (Скобцова) и другие деятели русского религиозного возрождения ставили как «всемирно-историческую задачу века» создание подлинной христианской культуры, преодолевающей

^{*1} *Epist. ad Diognet. 5*

раскол между церковным и светским [Булгаков, 68–79]. К сожалению, можно засвидетельствовать, что эта задача остается задачей и для нас. А на сегодняшний день мы имеем культуру постмодернизма. Как же христианству принимать современный культурный стиль, который по слову Г. П. Федотова должен христианством и определяться? Или современное христианство потеряло эту способность — определять? Но, может быть, напротив, эпоха отсутствия и пустоты — лучшее время для обретения Божьего Слова, как слова без прикрас и имитаций, слова, открытого миру, реального самим своим существованием, самим бытием, самой реальностью. «Христианство, — писал Федотов, — есть именно та пища, по которой изголодалось современное человечество. Поэтому стиль современного христианства не может не быть реалистическим» [Федотов, 7]. Именно ХХ в. дал образцы церковной проповеди, являющей такой язык и стиль в проповедях о. Всеволода Шпиллера, о. Виталия Борового, о. Тавриона Батозского, о. Александра Меня, митрополита Сурожского Антония и других. Этим языком владели многие из новых мучеников и исповедников Российских — архим. Сергей Савельев, м. Мария (Скобцова), о. Сергей и о. Алексей Мечевы и многие другие. Интересно, что так или иначе все они преодолевали этот раскол между церковью и культурой, между светским и духовным и были обращены к возрождению церковности, понимаемой как воцерковление всего человека, а не какой-то его части.

В этом контексте совершенно неприемлемым видится утверждение о нежелательности цитирования светских классиков и писателей в церковной проповеди. Нельзя согласиться, что это «будет свидетельствовать о том, что проповедник не знаком с творениями св. отцов» [Конспект по гомилетике].

Как пример такого использования можно привести одну из проповедей на Благовещение о. Александра Шмемана (его трудно заподозрить в незнании святых отцов), которая представляет собой своего рода диалог с одним из персонажей Достоевского — Смердяковым. Отец Александр — человек высочайшей культуры, язык его отличается художественностью, полифоничностью (он мог бы стать настоящим писателем, о чем сам говорил в своих дневниках). Он широко и органично использует примеры из художественной литературы, народные пословицы, в его проповедях много скрытых цитат из художественной литературы и публицистики.

8. В заключение о самом главном. Глубинная причина всех гомилетических проблем уходит корнями в вопросы экклезиологии. Церковная проповедь — неотъемлемая часть Таинства Слова. Таинство Слова как всякое Таинство совершается в Церкви и для Церкви, оно означает, что Слово должно в собрании расти, и собрание должно в Слове расти, расти и количественно, и качественно. Явление такого роста можно проследить на примере многолетнего проповедничества пастыря одной и той же пастве. Язык, содержание, объем понятий углубляются в проповеди год от года. А собрание проповедей такого пастыря становится историей общины. Это можно наблюдать на примере проповедей духовного попечителя Преображенского братства о. Георгия Кочеткова в течение ряда лет.

Важно то, что при реальности церковного собрания становится возможным соединение богословия и пастырства. «Наше богословие давно уже перестало быть «пастырским», — писал более полувека назад о. Александр Шмеман, — каким было оно у святых отцов, а наша проповедь перестала вдохновляться богословием, быть передачей церковного умозрения, что и приводит очень часто к несоответствию между максимализмом богословия и минимализмом пастырства, и в первую очередь проповеди» [Шмеман. *О церковной проповеди*, 749]. Церковь должна быть не только хранительницей Слова, но и творить Его, т. е. богословствовать. Ибо Слово Божье, Благовестие — это и есть язык проповеди, который всегда новый и всегда тот же, что и в День Пятидесятницы при рождении Церкви.

Источники и литература

1. *Epist. ad Diognet* = Послание к Диогниту / Пер. с др.-греч. и прим. А. С. Десницкого // Раннехристианские апологеты II–IV веков. М. : Ладомир, 2000. С. 122–133.
2. *Аверинцев* = Аверинцев С. С. Язык как совместное обладание эпох и поколений // Язык Церкви : Материалы международной богословской конференции. М. : СФИ, 2002. С. 32–44.
3. *Аверкий* = Аверкий (Таушев), архиеп. Руководство по гомилетике. М. : ПСТБИ, 2001. 143 с.
4. *Булгаков* = Булгаков С. Н. Церковь и культура // Он же. Христианский социализм. Новосибирск : Наука, 1991. С. 68–79.
5. *Голубинский* = Голубинский Е. Е. О реформе в Русской церкви // Православная община. 1991. № 5. С. 33–44.

6. *Десницкий* = Десницкий А. С. Язык богослужения и языковая ситуация в обществе // Язык Церкви : Материалы международной богословской конференции. М. : СФИ, 2002. С. 68–81.
7. *Желудков* = Желудков Сергей, священник. Литургические заметки : О церковной проповеди. М. : Sam & Sam, 2003. 251 с.
8. *Калния* = Калния И-Я. «Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое»: пастырское служение священника Дмитрия Клепинина (1904–1943) // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского института. 2010. Вып. 2. С. 199–218.
9. *Конспект по гомилетике* = Конспект по гомилетике / Московская духовная семинария. Загорск : Лавра-Семинария, 1970. URL: <http://www.sedmica.orthodoxy.ru/kdais/kds-gomilet-3.htm> (дата обращения: 07.06.2015).
10. *Кочетков* = Кочетков Георгий, священник. Язык Церкви как дар слова и плод духа // Язык Церкви : Материалы международной богословской конференции. М. : СФИ, 2002. С. 16–24.
11. *Руднев* = Руднев В. П. Постмодернизм // Словарь культуры XX века. М. : АГРАФ, 1997. С. 220–225.
12. *Священный Собор* = Священный Собор Православной Российской Церкви : Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М. : Издание соборного совета, 1918. С. 10–12.
13. *Федотов* = Федотов Г. П. О стиле проповеди // Вестник РСХД. 1926. № 2. С. 7–8.
14. *Шмеман. Евхаристия* = Шмеман Александр, прот. Евхаристия : Таинство Царства. М. : Паломник, 1992. 304 с.
15. *Шмеман. О церковной проповеди* = Шмеман Александр, прот. О церковной проповеди // Собрание статей 1947–1983 гг. М. : Русский путь, 2009. С. 748–750.

L. V. Kroshkina

Problems of Style in Contemporary Church Preaching

The article dwells on the issue of style in today's preaching to faithful members of the church. The author makes an attempt to find answers to the following pressing questions. What kind of language should be used in contemporary church preaching? Should one opt for an elevated style using words and phrases borrowed from Church Slavonic or, on the contrary, for a more up-to-date speech with neologisms and loan words to be quite clear to every modern person? What kind of language is needed for preaching Christianity in the age of postmodernism and of the didactic and homiletic crisis in the church? What examples should contemporary preachers refer to?

KEYWORDS: church preaching, style, language, homiletics, preacher.